

НА РОДИНѢ ЧЕХОВА.

(Къ пятидесятилѣтію дня рожденія).

О, ты, украшенный природой Таган
рогъ!..

(Стих. Теряева на смерть Алекса
дра I-го).

Я не былъ въ Таганрогѣ съ 1885 года. Съ того времени миновало полъ-жизни. И все перемѣнилось. Немудрено, потому, что подѣзжая, наконецъ, къ моему родному городу почти черезъ четверть вѣка, въ одно осеннее хмурое утро, я проявлялъ нетерпѣніе и поминутно высовывался изъ окна. Когда въ вагонѣ рядомъ со мной снова задрезжала разсыпчатая греческая скорговорка, я былъ готовъ восклицнуть, подобно Пушкину:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи“.

Намъ попались три коровы, красныя, въ пятнахъ, но даже въ ихъ пестрыхъ мордахъ мнѣ мерещилось что-то родное, таганрогское.

Я выросъ въ Таганрогѣ и учился въ таганрогской гимназіи почти одновременно съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ. Онъ былъ старше меня однимъ классомъ, но я и теперь помню его гимназистомъ. Онъ былъ „основникъ“, а я—„параллельникъ“. Онъ выглядѣлъ букой и все ходилъ по корридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверью и дразнили его чехонью¹⁾).

Мы встрѣтились потомъ въ 1899 году въ Петербургѣ и вмѣстѣ вспоминали Таганрогъ и нашего инспектора гимназіи, Александра Федоровича Дьяконова, по прозвищу „Сороконожка“, и „Сѣрое Пальто“, который отчасти послужилъ прообразомъ „Человѣка въ футлярѣ“. Послѣ того я уѣхалъ въ Америку. Когда я вернулся въ Россію поздней осенью 1904 года, Чехова уже не было на свѣтѣ...

Я вышелъ изъ гостиницы и пошелъ бродить по улицамъ, отыскивая новое и стараясь распознать старое. Улицы были пустышны, какъ въ доброе старое время, ибо Таганрогъ не растетъ, скорѣе—напротивъ. Но черноземная грязь, нѣкогда знаменитая на четыре ближайшихъ губерніи, исчезла. Улицы были вымощены камнемъ. Помню, мы называли Таганрогъ и Балту полюсами южной грязи, и по нашей школьной географіи эти города отнюдь не причислялись къ „сушѣ“.

¹⁾ Чехонь—порода рыбы.

Вотъ магазинъ Адабашева. Здѣсь нѣкогда была лужа, въ которой утонула лошадь. Послѣ того двое молодыхъ грековъ нарочно завязали въ лужѣ телѣгу и усадили на пей пару мальчиковъ съ удочками. Не помню, ловилась ли рыба въ этой мутной городской водѣ, но телѣгу удалось вытащить только на слѣдующее утро. Вотъ домъ Джурича, бывшаго городского головы, первый большой трехэтажный домъ. Когда строили его, мы собирались смотрѣть, какъ будто на диковину.

„Каменная лѣстница“, ведущая къ морю внизъ. Передъ нею старый знакомецъ, широкій сѣрый кругъ съ цифрами,—солнечные часы. Я вспоминаю, что эти часы, наперекоръ стихіямъ, показывали время съ ошибкою (свыше нормальной поправки), и ихъ приходилось провѣрять по карманнымъ часамъ. Пробую и убѣждаюсь, что они сохранили это удивительное свойство.

Мелкое, узкое море. Странно ловить глазами въ сыромъ туманѣ противоположный берегъ. Когда дунетъ вѣтеръ изъ степи, вода уходитъ, и бурое дно выступаетъ наружу отъ края до края. Когда-то въ этомъ морѣ ловилось множество рыбы, и по всему берегу стояли сушильни для знаменитой азовской тарани. Теперь тарань почти истреблена, и сушильни исчезли. Зато на берегу вадываются черныя трубы заводовъ одинъ за другимъ. Металлургическій заводъ, кожевенный, котельный, фосфатный. Этими заводами жилъ Таганрогъ до послѣдняго времени, пока не сократились заказы и работа. Въ прежніе годы Таганрогъ жилъ хлѣбной торговлей и контрабандой, организованной въ широкихъ размѣрахъ почти официально. Онъ былъ тогда, какъ порто-франко русскаго стиля, возникшее отчасти въ явочномъ, отчасти въ интендантскомъ порядкѣ... Быть можетъ, иные помнятъ еще процессъ Вальяно, когда все купечество, и таможня, и полицеймейстеръ попали подъ судъ, и градоначальникъ внезапно умеръ, и казна насчитала сотни милліоновъ убытку. Теперь все это исчезло, торговля ушла по законному руслу въ Ростовъ и Одессу. И мѣщане изъ предмѣстій, по мѣстному „городскіе фараоны“, уже не зарабатываютъ по пяти рублей въ день на каторжной грузкѣ, не пьютъ и не кутятъ, какъ прежде. Молодежь не срываетъ фонарей и не ставитъ уличныхъ заборовъ поперекъ дороги. Дай Богъ заработать на хлѣбъ. Кстати, съ того времени хлѣбъ сталъ вдвое дороже: вмѣсто прежнихъ двухъ копеекъ—четыре копейки за фунтъ. Мясо дошло до петербургскихъ цѣнъ. Даже прекрасныя южныя овощи ввездорожали до крайности. Бавни, прасо, катранъ, баклажаны, „красенькіе“, „синенькіе“, „зеленькіе“, кабаки и кабачки, что отнюдь не одно и то же. Вся эта благодать неоднократно перечислялась у Чехова...

Къ полудню я разыскалъ знакомыхъ. Ихъ оказалось полъ-города. Адвокаты, врачи, гласные думы, окрестные помѣщики. Все бывшіе однокашники, товарищи по двойкамъ и проказамъ. Только глядя на нихъ, я убѣдился, что всѣ мы постарѣли. То были пожилые, лысые, сѣдолодые люди со взрослыми дѣтьми. У одного

были даже внуки. Другой прожилъ 17 лѣтъ въ одной и той же квартирѣ, какъ будто приросъ къ мѣсту. Весь онъ словно обратился въ раковину, даже уши у него приняли форму раскрытыхъ устрицъ. Въ часы, свободные отъ пациентовъ и операцій, онъ размышлялъ о высокихъ предметахъ, о Богѣ, объ авіаціи, о безсмертіи души. Устрица, быть можетъ, размышляетъ о томъ же самомъ. Мы, впрочемъ, казались другъ другу какъ будто воскресшими изъ мертвыхъ и все вспоминали наши старыя школьныя списки. Въ этомъ прибрежномъ городѣ они были пестрые, всѣхъ націй. Ай-наловъ, Безусъ, Вернарделли, Богоравъ... Лакиеръ, Ласкераки.— Мы передѣляли его въ Раскаряки.— Псима, Псалти, Псалурани...

— Помните Лагудиноваго? Онъ вызвалъ драться одинъ цѣлыхъ три класса: нашъ первый и два вторыхъ, основной и параллельный. И какъ мы ему тогда наклали...

— А Шаповаловыхъ помните? Ихъ было двое. Шаповаловъ Кривоносъ и Шаповаловъ-Облегченное Удареніе. Шаповаловъ Кривоносъ былъ мраченъ и любилъ рисовать памятники съ крестами. На памятникахъ онъ выводилъ какъ-то особенно четко: „Здѣсь повоится тѣло генерала отъ инфантеріи Н. П. Шаповалова, павшаго на полѣ брани“.

Давнія героическія времена. Мы, гимназисты, ходили биться на кулачки стѣна на стѣну съ уѣздниками, учениками уѣзднаго училища. Они называли насъ Дрышшаками,—оскорбительное имя. Теперь этого имени никто не знаетъ въ городѣ. Помню, однажды, во время „маевки“ въ день перваго мая, какъ намъ досталось на орѣхи. Мы бѣжали отъ самыхъ „Дубовъ“ до городского сада. Впрочемъ, и у насъ были свои силачи. Дракули-Критякосъ. Онъ вытащилъ однажды лошадь вмѣстѣ съ телѣгой, завязшую въ грязи Угачовъ. Онъ поднималъ одной рукой пятипудовый кулъ муки...

Послѣ того каждое утро я обходилъ городскіе предѣлы, грязныя базары, пустынные предмѣстья, крутые берега и приморскіе пески,—всѣ тѣ мѣста, гдѣ мы нѣкогда бѣгали и дрались, купались и ловили рыбу. Павелъ Ивановичъ Вуковъ, помощникъ класснаго наставника, который служитъ въ гимназіи больше сорока лѣтъ, мнѣ рассказывалъ, что А. П. Чеховъ тоже любилъ дѣлать такіе обходы.

— Какъ только прійдетъ, бывало, позоветь меня, и вмѣстѣ ходимъ по старымъ мѣстамъ. Онъ только посмотритъ и молчитъ и вздыхаетъ...

Другой старожилъ, помоложе, сверстникъ Чехова, рассказывалъ тоже:—Чеховъ любилъ во время прогулокъ вспоминать подвиги дѣтства: „Вотъ здѣсь,—говорить:—мы когда-то выворотили полицейскую будку и поставили ее полицеймейстеру Кузовлеву въ сѣни, а потомъ повоняли и убѣжали. Теперь, должно быть, такихъ штукъ никто не дѣлаетъ“.

Если бы Чеховъ былъ живъ, мы, быть можетъ, могли бы дѣлать такіе обходы вмѣстѣ...

Таганрогскіе улицы и переулки перемѣнили свои имена. Бывшій Полицейскій переулокъ переименованъ Полтавскимъ, а Ярмарочный—Гоголевскимъ. Одинъ изъ гласныхъ даже предлагалъ назвать Гоголевскимъ именно Полицейскій переулокъ на томъ основаніи, что Гоголь много обличалъ полицію. Бывшая Полицейская улица (тоже Александровская) нынѣ названа Чеховской. На той улицѣ, во дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ, родился Антонъ Чеховъ. Этотъ флигель даже теперь отдается въ аренду, за 10 рублей въ мѣсяцъ. Въ немъ обитаетъ бѣдная вдова. Недавно въ Таганрогѣ образовался Чеховскій кружокъ. Въ видѣ начала этотъ кружокъ полагаетъ нанять у вдовы одну комнату подѣ Чеховскій музей. Комнаты, впрочемъ, такія крохотныя, что даже таганрогская память о Чеховѣ,—не больше наперстка,—все-таки не влѣзетъ въ середину. Тѣсно, должно быть, было Антону и братьямъ въ этихъ влѣтушкахъ и дальнихъ задворкахъ...

Переговоры о наймѣ комнаты велись при мнѣ.

— За границей такіе дома ставятъ подѣ особую крышу,—сказалъ представитель кружка.

— Вы покроете,—сказала практичная хозяйка:—а кто-нибудь вунитъ и развалить.—Да вы бы хоть дощечку прибили на воротахъ,—прибавила она.—А то прїѣзжаютъ разные люди, студенты, барышни, ходятъ по улицѣ, не знаютъ, гдѣ этотъ домъ.

Впрочемъ, въ этомъ флигелѣ Чеховы оставались только два или три года. У нихъ было собственное мѣсто на углу Елисаветинской улицы (тоже Конторской) и Донского переулка. Отецъ Чехова, Павелъ, съ братомъ своимъ, Митрофаномъ, построили здѣсь рядомъ по каменному дому. Въ одномъ изъ этихъ домовъ Антонъ Чеховъ воспитался и выросъ. Только передъ его отъѣздомъ въ университетъ, а въ 1879 году, Чеховы, нуждаясь въ деньгахъ, заложили этотъ домъ мѣстному обывателю Селиванову за 600 рублей. Послѣ того домъ не былъ выкупленъ. Этотъ домъ есть истинная Чеховская колыбель. Недавно онъ былъ проданъ еврейскому благотворительному обществу за 5000 рублей, и въ немъ помѣщается теперь еврейская богадѣльня.

Я посѣтилъ этотъ Чеховскій домъ въ одинъ унылый осенній вечеръ. Въ домѣ было темно и грязно. Вездѣ попадались узкія кровати, старые, неопрятные люди съ сѣдыми бородами, но комнаты остались безъ всякихъ измѣненій. Тотъ же странный полуподвальный входъ и рядомъ деревянное крылечко безъ перилъ, похожее на приставную лѣстницу, тѣ же неожиданныя окна подѣ самымъ потолкомъ.

Сосѣдній домъ, построенный Митрофаномъ Егоровичемъ Чеховымъ, до сихъ поръ принадлежитъ его вдовѣ и сыну Владимиру Митрофановичу, двоюродному брату Антона Павловича. Въ этой семьѣ сохраняется культъ имени Чехова. Здѣсь можно услышать много интересныхъ рассказовъ о дѣтствѣ Чехова, о тѣхъ суровыхъ расправахъ, которыя тогдашніе отцы чинили надѣ

дѣтьми, даже надъ гимназистами. Въ самыя опасныя минуты молодой Антонъ спасался въ сосѣдній гостепріимный домикъ, ибо здѣсь господствовали болѣе мягкіе нравы.

У Владимира Митрофановича на стѣнахъ висятъ портреты А. П. Чехова различныхъ эпохъ. Мнѣ бросился въ глаза одинъ изъ позднихъ портретовъ. Чеховъ стоитъ на улицѣ передъ своею ялтинской усадьбой. У него впалыя щеки и изнуренный видъ, но онъ улыбается. Передъ нимъ двѣ собаки, бѣлая и черная. Черная собака слѣпая, а бѣлая—глухая. Чеховъ подсвистываетъ черной собакѣ, и она прислушивается, а бѣлая, глухая, бѣжитъ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Бѣлая и черная собаки, какъ будто старинная аллегорія, послѣдняя смѣна дня и ночи больного Чехова...

За Чеховскимъ домомъ прежде находился большой пустырь, который въ то время назывался „имѣніе куриного царя“. На краю этого пустыря ютился старикъ, разводившій куръ. Пустырь заросъ бурьяномъ и дикою коноплей. На этомъ пустырѣ Чеховъ съ братьями ловили щегловъ силокомъ „на принадле“. Ловля щегловъ на принадле—это южный степной спортъ. Чеховъ увлекался имъ, даже будучи студентомъ. Однако, въ очеркахъ своихъ онъ ни разу не далъ описанія этого хитраго лова. Въ густомъ бурьянѣ ставится заслонъ изъ рогожи, натянутой на двухъ жердяхъ, воткнутыхъ въ землю. Передъ заслономъ на палкѣ привязаны отборные кусты бурьяна и конопли. Сверху повѣшена клѣтка съ пѣвучимъ щегломъ или съ самкой для приманки птицъ. Въ заслонѣ прорѣзано квадратное окошечко, а за заслономъ прячется ловець, пригнувшись къ землѣ. У него въ рукахъ орудіе лова,—длинная камышина, сажени въ полторы, съ волосянымъ силокомъ на концѣ. Когда щеглы, пролетавшіе мимо, опустятся на бурьянъ рядомъ съ клѣткой, нужно просунуть осторожно камышину сквозь окошечко, навести силокъ на шею ближайшему щеглу и быстро утащить его къ себѣ, потомъ посадить щегла въ приготовленную клѣтку.

Я ловилъ щегловъ на принадле на собственномъ дворѣ, на самомъ краю предмѣстья Новостроенки. Помню, одинъ разъ я поймалъ трехъ щегловъ почти подрядъ.

Часть предмѣстья Новостроенки помѣщалась въ ямѣ. Здѣсь были высокіе тротуары и глубокія канавы, поросшія колючкой. А середина послѣ осеннихъ дождей наполнялась водою, какъ будто рѣка разлилась. Помню, однажды мы сдѣлали плотъ изъ старыхъ боченковъ и попытались отплыть на базаръ, отталкиваясь шестами. Мы завернули за уголъ и тутъ сѣли на мель.

Той лавки на Старомъ базарѣ, гдѣ когда-то торговалъ молодой Антонъ Чеховъ, уже не существуетъ. Исчезли также другія лавки нашего дѣтства, не менѣе замѣтныя,—лавочка еврея Полтора-Жида; его называли такъ „по уличному“ за огромный ростъ; Лавка Ивана Капусты. У него была вывѣска надъ дверью: „Продажа чаю. сахару. И. Капусты“. Знаки препинанія стерлись. И

мы дерзко заходили въ лавку и требовали послѣдняго продукта. Старый Капуста бросался на насъ съ кнутомъ.

Скрыть съ мѣста также „Лиховъ дворецъ“, съ разнокалиберными окнами, пріютъ городскихъ босяковъ. Въ этомъ домѣ обиталъ въ числѣ прочихъ портной Иванъ Малый, на дѣлѣ очень большой и несуразный мужчина. Онъ дешево шилъ и чинилъ одежду для бѣдныхъ гимназистовъ. Но часто послѣ починки съоря гимназическія брюки попадали въ закладъ за кабачную стойку. Потомъ ихъ приходилось выкупать за лишній полтинникъ въ счетъ будущей платы.

А школа Булавы существуетъ до сихъ поръ. И содержитъ ее тоже дочь старика Булавы. По уличному школа прежде называлась: „Команда Булавы“.

Въ бывшей Петровской крѣпости разрыты и засыпаны старыя и странныя землянки. Онѣ лѣзились когда-то на полуподземіи крѣпостной горы и зарывались въ бурюю глину, какъ норы. Здѣсь ютились бродяги и прятались въ землю отъ всякаго нечестья, какъ суслики. Владѣльцы землянокъ теперь переведены за городъ въ кладбищу. Тамъ выросъ новый поселокъ. У него выразительное имя: „Собачій хуторъ“. Впрочемъ, городъ Таганрогъ въ общемъ приобрѣлъ чинный видъ. На углу Петровской улицы уже не стоитъ Платоша Дуракъ, босой, въ порткахъ и рубахѣ. По твердой мостовой не пробѣжитъ Чепурушка, безъ юбки и въ соломенной шляпѣ съ живыми цвѣтами. Она жила на кладбищѣ, а цвѣты собирала въ полѣ. Мы, ребяташия, бѣгали за нею стадами.

Правда, подальше отъ центра бродятъ по-прежнему задумчивыя свиньи и роются въ грязи. Но даже для свиной микувшіе годы принесли измѣненіе. Ибо ихъ рыло стало короче и завернулось вверхъ, къ небесамъ. Здѣсь нѣтъ никакого иносказанія, но если хотите,—вліяніе культуры. Нѣкоторая примѣсь англійской крови, іоркширской и беркширской, попала въ жилы простого російскаго свиинства. У іоркширскихъ свиней, какъ извѣстно, рыло короче и завернуто кверху.

Старый городской садъ, давняя таганрогская гордость, весь вырубленъ подъ корень и снова посаженъ молодыми деревьями. Говорятъ, весной въ немъ, какъ прежде, велено и тѣнисто. Но я тщетно ищу старыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ, подъ которыми когда-то любилъ отдыхать Александръ I-ый. Исчезла низкая рѣшетка, черезъ которую въ „платные“ дни мы такъ ловко перепрыгивали внутрь. Въмѣсто нея высокая кирпичная стѣна. Даже знаменитыя „каменные бабы“, собранныя съ ближнихъ степныхъ кургановъ, исчезли съ улицы. Онѣ убраны во дворъ городской бібліотеки. Я сдѣлалъ имъ вивить. Онѣ стоятъ тамъ чиннымъ кругомъ, высокія, прямыя и толстыя, сложивъ руки на поясъ; съ перваго взгляда я принялъ ихъ было за прежнюю городскую управу, которая внезапно воскресла, а потомъ окаменѣла.

Старый городской театръ почти не измѣнился, но въ немъ

ставятъ теперь новыя, скучныя пьесы, Рыжкова, Потапенки, даже „Анфису“ Леонида Андреева. А помню я бывше восторги. По имени актрисъ и пѣвицъ составлялись партіи. Были, напримѣръ, Шороховисты и Біазисты. Они давали другъ другу кулачныя бигвы, тутъ же у входа. Въ то время еще не было ни газетъ, ни театральныхъ рецензій. Въмѣсто газеты по городу бѣгалъ подростокъ, длинноногій и всезнающій. Его такъ и звали: изустная газета. Помню, одинъ разъ Біазисты со влобой въ глазахъ два дня ловили его, чтобы избить за непочтительный отзывъ, и наконецъ поймали и избили...

Только дальній конецъ предмѣстья Новостроенки, у самага жоря, еще сохраняетъ упорно прежніе нравы. Тамъ улицы не мощены и, какъ прежде, утонешь въ грязи. Въ городѣ есть *молодые люди*, а на Новостроенкѣ по-прежнему *парни*. Каждый вечеръ, окончивъ работу, „молодые люди“ выходятъ на Большую улицу вмѣстѣ съ дѣвцами и гуляютъ по тротуарамъ черной лавой, гуще, чѣмъ на Невскомъ. Это новая мода. Прежде рабочіе юноши не выходили на главную улицу. *Парни* держатся дома по-старому. Зато они не выносятъ, чтобы къ ихъ дѣвцамъ приходили чужіе на улицу въ гости. Если поймаютъ чужого, его подвергаютъ древнему наказанію, освященному обычаемъ. Сажаютъ на заборъ и принуждаютъ пѣть: кукуреку. Заставляютъ „плавать въ пыли“, т.-е. ползать на брюхѣ среди пыльной дороги. Въ числѣ другихъ удостоился пѣть на заборѣ бывшій городской голова, весьма извѣстный въ Таганрогѣ... Жители до сихъ поръ вспоминаютъ и смѣются. На Новостроенкѣ еще поютъ старыя мѣстныя пѣсни:

Въ Таганрогѣ огонь горитъ,
А въ Ростовѣ видно...

Какъ далеко отразились въ творествѣ Чехова воспоминанія дѣтства, слѣды этой оригинальной таганрогской обстановки, шумъ торговли, разгулъ контрабанды, смѣшеніе племенъ, запахъ южнаго моря, приволье степей? Миѣ кажется, меньше, чѣмъ можно было ожидать. Пейзажъ и природу русскаго юга, море и степь и разгулъ принесъ въ литературу другой писатель, буйный волжанинъ, Максимъ Горькій. Антонъ Чеховъ, „человѣкъ съ моря“ (правда, только съ Азовскаго моря), вышелъ какимъ-то чудомъ писателемъ средней Россіи. Пейзажъ и природа, чувства и мысли Чехова принадлежатъ средне-русской полосѣ. Петербургъ, Москва, подмосковная деревня, „Вишневый садъ“, „Мужики“, „Въ оврагѣ“, фабрика Хрыминыхъ и К°, „Три сестры“, „Дядя Ваня“. Все это сѣверъ, сложный и смутный, полный унылой прелести, блѣдныхъ красокъ и мягкихъ оттѣнковъ. Южныя краски, даже въ Таганрогѣ и въ Одессѣ, рѣзче, грубѣе и ярче.

Однако, собственно таганрогскій пейзажъ и обстановка, старыя городскіе рассказы, анекдоты и случаи изъ дѣйствительной жизни вкраплены въ творествѣ Чехова, особенно въ раннемъ періодѣ, отдѣльными островками и цѣлыми кусками.

Разсказъ „Огни“—это разсказъ таганрогскій по всей картинѣ и по дѣйствующимъ лицамъ. Здѣсь даже попадаетъ одно изъ южныхъ словечекъ, рѣдкихъ вообще у Чехова: „Греки Пендосы“. Точно такой же таганрогскій очеркъ: „Степь“. Малая Нижняя улица туда къ выгону, гдѣ стоитъ „красный домичекъ“ въ глубинѣ широкаго двора, это именно и есть предмѣстье Ново-строенка. Курганы и каменные бабы; ночная птица, которая выкликается: „сплю, сплю, сплю“; уменьшительное Ера отъ Егоръ (въ Таганрогѣ говорятъ даже Жора. Дѣда Чехова звали Егоромъ); зернистая игра въ жестянкѣ, которой отецъ Христофоръ угощаетъ болящаго,—все это характерное, таганрогское. Въ то время игра стояла дешевле и была доступна сравнительно небогатымъ людямъ. Теперь и въ Таганрогѣ фунтъ игры стоитъ четыре рубля.

Десять рублей въ мѣсяцъ за столъ и квартиру для пріѣзжаго гимназиста, вродѣ Егорушки, въ то время было на Новостроенкѣ довольно обычной платой. Теперь дешевле 25 рублей невозможно устроиться.

„Палата № 6“—это таганрогскій сумасшедшій домъ.

Изъ раннихъ разсказовъ—„Холодная Кровь“, „Бракъ по расчету“,—это случаи изъ Таганрогской жизни. Въ то время Чеховъ еще пріѣзжалъ на родину каждое лѣто, и ему приходилось даже терпѣть нареканія отъ близкихъ за свою литературную нескромность. Въ разсказахъ нѣтъ ничего обиднаго, но провинція не любитъ, чтобы ее „выводили“.

„Хирургія“—тоже таганрогское приключеніе. Старый дьяконъ съ зубною болью, высокій, коренастый старикъ, живъ до сихъ поръ. Фельдшеръ „хирургъ“ уже умеръ. Фамилія у него была характерная: Довбило. Жаль, что она не могла попасть въ разсказъ Чехова.

„Лошадиная фамилія“—тоже таганрогскій анекдотъ, хотя и измѣненный. Въ Таганрогскомъ округѣ были два обывателя, довольно важиточныхъ и видныхъ, Жеребцовъ и Кобылинъ. Имъ какъ-то случилось заѣхать одновременно въ ту же гостиницу, и ихъ записали на доску рядомъ особенно крупными буквами. Я помню, надъ этимъ смѣялись во всемъ Таганрогѣ.

У Чехова попадаютъ и другія знакомыя фамиліи изъ Таганрога и окрестностей: Нескубинъ, Иловайскій, Костюковъ.

„Левъ и Солнце“—это таганрогскій случай, разсказанный притомъ безъ всякихъ измѣненій. Прекрасные стихи:

Въ знакъ дружбы двухъ монархій, Россіи и Ирана,
Изъ уваженья къ Вамъ, почтеннѣйшій посоль,
Я радъ бы самъ себя распластать, какъ барана,
Но, извините, я—осель.

—дѣйствительно, посланы были по почтѣ честолюбивому городскому головѣ.

„Дядя Ваня“. Такъ звали въ семьѣ Чеховыхъ одного почтеннаго и пожилого родственника. Когда въ таганрогскомъ

театръ давали эту пьесу, дѣйствительный „Дядя Ваня“, въ общемъ совершенно чуждый литературѣ, отправился въ театръ, но на этотъ разъ былъ разочарованъ. Пьеса не имѣла ничего общаго съ Таганрогомъ.

О „Человѣкъ въ футлярѣ“ я расскажу ниже.

Впрочемъ, за послѣднія 30—35 лѣтъ со времени дѣтства Чехова общество таганрогское измѣнилось почти до неузнаваемости. Въ то время вездѣ преобладали греки. Въ городѣ пользовалась извѣстностью старая шутка, русско-греческая:

Присло Аверино,
Принесло немного вино;
Присло Ласкири,
Принесло немного сыри;
Присло Краса,
Принесло немного колбаса;
Присло Дросси,
Все поставило на подносѣ;
Присло Попандопуло,
И все полоцало.

Даже въ рабочемъ народѣ было много грековъ, хотя, подъ влияніемъ „людского притока съ сѣвера, они быстро русѣли. Я помню такія имена:

По книгамъ Ликиардопуло, а по уличному Лонцовъ.

По бумагамъ Димитраки, а по уличному „Бараняча Гот вка“.]

Самое видное мѣсто среди городскихъ богачей и нотаблей занимали два старика. Они носили одно и то же имя: Маркъ, и потому въ просторѣчій назывались „двѣ Марки“. Маркъ Вальяно и Маркъ Варваца. Маркъ Вальяно достаточно извѣстенъ по таможенному процессу. О немъ ходили цѣлыя легенды чудовищнаго неприличія, особенно, если принять во вниманіе его преклонный возрастъ. Маркъ Варваца происходилъ изъ семьи корсаровъ. Въ полуофициальной исторіи города Таганрога, составленной П. П. Филевскимъ въ память двухсотлѣтія и изданной на средства города, сказано:

„Основателемъ Греческаго монастыря (1814 г.) былъ Иванъ Андреевичъ Варвацій, надворный совѣтникъ. Этотъ Варвацій былъ корсаромъ у себя въ Греціи, но съ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира прибылъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ очень радушно, и ему были даны въ Астрахани рыбныя промыслы, гдѣ онъ быстро нажилъ огромное состояніе. Это былъ человѣкъ щедрый, онъ много дѣлалъ добра, быть можетъ, желая загладить на старости лѣтъ свои корсарскіе грѣхи“.

Старожилы говорятъ, что у стараго Ивана Варваца одно ухо было отрѣзано,—слѣды турецкаго плѣна.

Маркъ Варваца приходился внукомъ старому корсару. Онъ не основывалъ монастырей, но послѣ смерти своей оставилъ нѣсколько незаконныхъ дѣтей различныхъ фамилій, которымъ досталась значительная часть наслѣдственнаго состоянія.

Ивапъ Варваца окупилъ ва безцѣнокъ обширныя земли на берегу моря и заселилъ ихъ всякаго рода бѣглыми людьми (по такъ называемой Вѣглицкой косѣ). Эти поселенцы стали потомъ крѣпостными рода Варваца. Крѣпостническіе нравы въ Таганрогѣ были нисколько не мягче, чѣмъ въ средней Россіи. Мой старый пріятель, потомокъ крѣпостной семьи этого корсарскаго рода, особенно много рассказывалъ мнѣ о младшемъ братѣ Марка Варваца, Кузьмѣ. У Кузьмы Варваца была огромная дворня. Въ его домѣ все дѣлалось по расписанію, въ назначенное время—раскрывались ставни, поднимались жалюзи, вытирались полы. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ или опозданіе вызывало кулачную расправу владѣльца. Кузьма Варваца былъ скоръ на руку и даже не разспрашивалъ. Подсекочить и окровянить. Его лакеи постоянно ходили съ разбитыми лицами. Но если потомъ, въ болѣе спокойную минуту, лакею удастся доказать свою невинность, полученныя плюхи засчитывались ему впередъ. Для этого велся особый реестръ, гдѣ каждый слуга имѣлъ свой активъ и пассивъ въ мордобойной монетѣ. Незадолго до освобожденія одинъ изъ лакеевъ, паскучивъ этими зачетами, своеобразно отомстилъ хозяину. У Кузьмы Варваца былъ дорогой сервизъ саксонскаго фарфора, который вынимался только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Въ день именинъ хозяина вѣроломный лакей, принявъ отъ дворецкаго большой подносъ, уставленный фарфоромъ, сталъ подниматься по лѣстницѣ и вдругъ грохнулъ его съ площадки внизъ. У него былъ значительный активъ полученныхъ и неоплаченныхъ плюхъ, и онъ сослался на него, чтобы избавиться отъ наказанія.

Послѣ отжѣны крѣпостного права Кузьма Варваца круто измѣнился. Онъ сталъ необыкновенно вѣжливъ, обращался къ слугамъ на „вы“ и даже не возвышалъ голоса. Мѣста у него цѣнились, ибо онъ платилъ хорошее жалованье.

Теперь Таганрогъ обрусѣлъ. Онъ сталъ приличнѣе и грамотнѣе. Въ городѣ имѣется шесть среднеучебныхъ заведеній, не считая двухъ большихъ училищъ съ программой прогимназій. Общее число учащихся въ этихъ восьми заведеніяхъ достигаетъ трехъ тысячъ. Для городского населенія въ 50,000 (по послѣдней переписи) это сравнительно много.

На городскихъ выборахъ недавно побѣдили обновленцы. Я былъ на засѣданіяхъ. Дума собиралась въ полномъ составѣ, безъ абсентеистовъ, и рьяно голосовала: „да“ и „нѣтъ“, двигая стульями. Даже въ Маленькомъ клубѣ за карточной игрой заговорили о водопроводѣ.

Ибо водопроводъ—это городская мечта. Городъ до сихъ поръ пьетъ воду изъ колодезь, что возлѣ тюрьмы. Ее поднимаютъ наверхъ довольно нехитрымъ механическимъ приспособленіемъ. Оттого въ просторѣчій эта вода называется „машинной водою“. Каждая бочка машинной воды стоитъ полтинникъ. Впрочемъ, обыватели привыкли. Помню, когда мы въ первый разъ поцали въ Петербургъ послѣ нашего машиннаго поила, мы заболѣли

желудкомъ отъ невской воды. Однако, въ то время невская вода была не то, что теперь. По словамъ Менделѣева, сказаннымъ на лекціи въ университетѣ, она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ по своей чистотѣ.

Къ чести Таганрога—въ немъ никогда не было отдѣла союза русскаго народа. Эта идіосинкравія заходитъ довольно далеко. Чиновники изъ союзниковъ, получая переводъ въ Таганрогъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ инструкцію:—Оставьте политику. Тамъ это не подходитъ.

Новыя птицы, новыя пѣсни. Надя Сигида незабвенной памяти, которая умерла на каторгѣ подъ розгами и о которой мнѣ приходилось писать раньше, была прежде въ Таганрогѣ учительницей городской школы. Подруги ея уцѣлѣли и до сихъ поръ свято чтутъ ея память. Но, рядомъ со скромными городскими и церковно-приходскими школами, на Митрофаніевской площади выросла, можно сказать, цѣлая женская академія, точнѣе говоря,—четырёх-классная школа съ программой прогимназій. Она помѣщается въ собственномъ домѣ въ три этажа среди обширнаго двора. Въ ней учится больше 500 ученицъ, все городская бѣдность. Окончивъ эту школу, можно поступить въ шестой классъ гимназій.

Новыя пѣсни, новые люди...

— А есть ли у васъ политическія партіи?—спросилъ я почти въ шутку одного стараго знакомаго.

Онъ немного подумалъ и сказалъ нерѣшительно:—Есть социаль-демократы.—Потомъ быстро поправился:—Есть много хорошихъ рабочихъ, умныхъ, сознательныхъ.

И тотчасъ же снова прибавилъ, уже съ нѣкоторой гордостью:— У насъ не было ни разу еврейскаго погрома.

Я молча слушалъ.

— Въ то время у насъ велась большая пропаганда. Въ іюль и въ августъ передъ манифестомъ 17 октября въ „Дубкахъ“ можно было подъ каждымъ деревомъ найти кружокъ. Пять или шесть рабочихъ, а посрединѣ студентъ или барышня. Они слушаютъ, она объясняетъ. Въ то время много сдѣлали.

Я слушалъ со страннымъ, смѣшаннымъ чувствомъ.

— А что, Никита живъ?—спросилъ я неожиданно.

— Какой Никита?

— И еще Василій изъ перваго кружка.

— Какъ ихъ фамиліи?—спросилъ знакомецъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Но я забылъ фамиліи и помнилъ только имена. И также помнилъ всю обстановку этого перваго кружка. Ибо лучше признаться сразу и безъ всякой утайки. Эта пропаганда, надъ которой теперь иныя смѣются, получила начало именно въ наше далекое время. Мнѣ стыдно сказать, сколько лѣтъ отъ роду было первымъ пропагандистамъ. Ихъ было двое и вмѣстѣ обоимъ было лѣтъ тридцать. Они долго старались составить кружокъ, но сначала все не удавалось. Попадался народъ неподходящій, пьяницы,

хвастуны, плохіе работники, разные авантюристы, которыхъ въ народной средѣ не меньше, чѣмъ въ интеллигентной, вдобавокъ—люди пожилые. Съ ними иногда выходило и смѣхъ, и горе. Попробуй, растолкуй школьному сторожу, латышу и малограмотному, что такое классовый интересъ. И вдругъ, наконецъ, напали почти неожиданно на настоящую жилу. Никита и его братъ, Василій, и два Семена, рабочіе съ литейнаго завода въ предмѣстьѣ Касперовѣ. Они были такіе же молодые, наивные, какъ мы сами, певущіе, степенные, весь заработокъ они приносили домой и отдавали матерямъ. Кстати сказать, мать Никиты и мать Василя обѣ приняли живое участіе въ кружкѣ. Жалко, что я позабылъ ихъ имена. Мать Никиты была высокая, нѣсколько грузная, съ медленными движеніями. Она садилась на лавку, подперши щеку рукой, и слушала „чтеніе“, внимательно, какъ въ церкви. Мать Василя была нервная, сухая. Она все суетилась, кипятила самоваръ и жарила лепешки, потомъ выскакивала на дворъ покараулить, нѣтъ ли подъ окнами „шпыней“. Но въ то время на тихой Касперовкѣ о шпыняхъ не было помину. — Однимъ словомъ, Марѳа и Марія.

Работа на заводѣ производилась, какъ тогда говорили, въ длинную смѣну: 24 часа работы, потомъ столько же отдыха. Чтеніе начиналось къ вечеру послѣ продолжительнаго отдыха и продолжалось часа два или больше. То, что мы читали, было высоко-невинно. Политическая экономія по Миллю, исторія — по Костомарову, Крестьянская война въ Германіи, „Что дѣлать?“ Чернышевскаго. А еще грамматика и арифметика. И въ сущности говоря, нашъ кружокъ былъ скорѣе не революціонный, а мирнообновленческій, что ли. Но слушатели были захвачены всецѣло. Я помню ясно и ярко эти наивныя проявленія духовнаго восторга. Особенно, „Что дѣлать?“, „Сны Вѣрочки“ были для этихъ молодыхъ слесарей, какъ будто евангеліе. Наше собственное евангеліе были скорбныя и страстныя „Историческія письма“, Лаврова-Миртова. Они призывали насъ платить за „Цѣну прогресса“, и многіе изъ насъ заплатили...

Кружокъ сталъ расти, раздвоился и далъ отростокъ. Я все-таки полагаю, что эта мирная идиллія какъ-нибудь окончилась бы забастовкой на заводѣ. Но пропагандистовъ скоро убрали. Рабочіе остались цѣлы, и послѣ того я больше не зналъ, что съ ними случилось. Однако, всѣ позднѣйшіе кружки, и чтенія подъ старыми деревьями въ „Дубкахъ“, посаженными еще при Петрѣ Великомъ, тянутся, какъ вѣтви отъ этого перваго зеленаго ствола.

Теперь Никитѣ и Василю было бы лѣтъ по пятидесяти. Мнѣ не пришлось разыскать ни того, ни другого. Но о Никитѣ я узналъ. У него есть теперь новая мастерская, станки и инструментъ и тридцать человекъ подручныхъ. Впрочемъ, онъ сохранилъ человѣческій образъ и не обсчитываетъ по субботамъ. Въ домѣ у него можно найти журналы и газеты. Подручные его—

почти все молодежь. Въ 1905 году считались передовыми и сами себя называли эс-деками. Своего хозяина они называли „буржуемъ“, но до крупной ссоры не доходило ни разу.

Лучшіе годы моего дѣтства и юности прошли въ таганрогской гимназіи. Въ русской литературѣ есть много описаній классической гимназіи. Самое яркое сдѣлано недавно В. Г. Короленко въ его „Запискахъ моего современника“.

Учитель Лотоцкій съ его желто-краснымъ попугаемъ, жирный Егоровъ, французъ Лемпи, нѣмецъ Кранцъ,—все это останется надолго, собранное вмѣстѣ въ терпкій, одурающій букетъ.

Классическое образованіе, латинскія и греческія extemporalia, грамматическія правила въ стихахъ по средневѣковому образцу:

Panis, piscis, crinis, finis,
Ignis, lapis, pulvis, cinis...

На выпускномъ экзаменѣ все-таки иные ученики не умѣли даже читать по греческимъ удареніямъ. Мы выносили изъ этой учебы только неистребимую ненависть ко всему классическому міру. Этой ненавистью было насевозь пропитано русское общество. Уже въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ Гиббона, Моммзена и Грота, я все-таки сохранилъ старое предубѣжденіе противъ античной древности. Только въ Римѣ, подъ высокими арками Большого водопровода, на плитахъ Аппіевой дороги, которыя не истерлись даже подъ копытами двадцати поболѣній средневѣковыхъ итальянскихъ ословъ, передъ кипарисами Адриановой виллы и колоннами фोरума, я излечился отъ этого предубѣжденія. Тамъ, блуждая въ толпѣ безчисленныхъ статуй, бѣлыхъ, торжественно-важныхъ,—столь непохожихъ на черныхъ и юркихъ живыхъ итальянцевъ,—научался признавать издали, какъ старыхъ знакомыхъ, Адриана и Августа, Сократа и Сенеку, я понялъ, наконецъ, какъ много силы и гордой красоты заслонили отъ нашихъ глазъ старье, злые педанты съ ихъ ветхой грамматикой.

Лысый чиновникъ въ вицмундирѣ, запачканномъ мѣломъ, какъ представитель аеинской республики. Съ этой фигурой можетъ сравниться только другая, новѣйшая,—жирный погромщикъ съ резиной въ рукѣ, какъ поборникъ христіанства. Первая фигура—педагогическая, а вторая—политическая, но обѣ стоятъ другъ друга.

Наша таганрогская гимназія была до смѣшного похожа на ту, что описана у Короленки. Какъ будто всѣхъ этихъ учителей чеканили дюжинами изъ тусклаго олова по одной и той же казенной формѣ.

Учитель арифметики и географіи Крамсаковъ, съ длинными, повисшими усами. Мы называли его: „Китайскій императоръ“. Онъ отмѣчалъ уроки ногтемъ по книгѣ: отседова—доседова. Мы

старались вызывать его на объясненія. Тогда начинался спектакль.

— Возьмите двѣ половины даннаго числа.

— Иванъ Ѳедоровичъ, мало!

— Ну, ну, прибавьте третью половину...

Учитель алгебры и физики Островскій, длинный, какъ жердь. Онъ женился по любви на маленькой, круглой женщинѣ. Мы называли эту пару: „касательная въ кругу“.

Его одного въ отдѣльности мы называли: Дылдой или Долдономъ. Дылдой — если „объясняетъ“, Долдономъ — если „спрашиваетъ“. Мы любили угадывать по его виѣшнему виду, какой онъ сегодня, — Дылда или Долдонъ, даже ставили закладъ, т.-е. держали пари.

— Идетъ, идетъ!..

— Летитъ!..

— Прется!..

— Ну, какой сегодня?

— Кажется, Дылда.

— Ой, нѣтъ, Долдонъ.

— Нѣтъ, Дылда!

— Ей-Богу, Долдонъ!.. Ставлю конейку.

— Держу:—Дылда!

— Богоразъ, къ доскѣ!..

Вотъ тебѣ и Дылда... Смотришь: въ журналѣ стоитъ единица. Ибо Долдонъ разсыпалъ единицы щедрой рукою. Въ утѣшеніе мы сложили о немъ стихи:

Есть у насъ еще одинъ,
Ростомъ будетъ въ пять аршинъ.
Не успѣетъ сѣсть за столъ,
Какъ стоитъ въ журналѣ колъ.

Учитель чистописанія, Егоръ Андреевичъ Овсянниковъ, вѣчный женихъ:

Егорушка-чистота
Купилъ лошадь безъ хвоста,
Поѣхалъ жениться...

Учитель греческаго языка, Зикосъ. Онъ считался однимъ изъ столповъ гимназій. То былъ аѳинскій грекъ, плохо говорившій по-русски. Онъ бралъ взятки съ учениковъ и съ экстерновъ, открыто, съ блескомъ и въ оптовыхъ размѣрахъ. Бралъ и не находилъ въ этомъ ничего худого:—Худо, вачѣмъ худо?.. Тебѣ хорошо, мнѣ хорошо...

Онъ говорилъ намъ въ классѣ невозмутимымъ тономъ:

Dikaïosune (справедливость) и *sôfrosune* (скромность) — это пустякъ. Первое дѣло—*chremata* (деньги)...

Законоучитель, отецъ Ѳедоръ Покровскій, соборный протоіерей, блестящій и внушительный. Онъ мало обращалъ вниманія на уроки и въ классѣ читалъ газету. Чтобы не отрывать его отъ чтенія, ученики жарили ватехизисъ подрядъ съ вопросами и от-

вѣтами. Важно было не останавливаться. Въ промежуткахъ отецъ Федоръ любилъ умствовать съ учениками, даже съ инювѣрцами.

Монтанружъ, *Стижанъ* Карлычъ, классный надзиратель, тоже швейцарскій французъ, какъ Лемпи, тоже полный рассказовъ, только нажимъ настоящую пружину.

Все чинодралы, а не педагоги, по энергичному выраженію Чехова.

У В. Г. Короленки были все-таки свѣтлыя воспоминанія, — Авдѣевъ, Игнатовичъ, Балмашевскій, старый священникъ Овсянинъ, даже директоръ Долгоноговъ, важный, суровый, прямой.

У насъ, ей Богу, некого помянуть добрымъ словомъ. Мы отошли отъ 60-хъ годовъ еще на десять лѣтъ и, можно сказать, побили рекордъ классическаго оцѣненія. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько цитатъ изъ той же книги Филевскаго, а также изъ другой: „Очерки изъ прошлаго таганрогской гимназіи“, его же. Надо замѣтить, что П. П. Филевскій—учитель той же гимназіи, и человекъ, можно сказать, ультра-благонамѣренный. Его безпристрастное свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоценно:

„То было время самаго строгаго школьнаго режима, время безпощаднаго господства классицизма. Двѣ или три ошибки въ греческомъ или латинскомъ переводѣ исключали возможность получить удовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ..“

„Дѣло реорганизаціи началось съ безпощадной строгостью. Въ два года гимназія была разогнана. Неумѣренные ревнители, вырывая плевелы, повывали и лучшіе колосья. Даровитыхъ, выдающихся учениковъ не стало, какъ сквозъ землю провалились. Были вопіющіе примѣры. Четвертый классъ имѣлъ 42 ученика, а черезъ два года подъ прессомъ древнихъ языковъ осталось только 16. Вновь наѣхавшіе воспитанники нѣсколько замаскировали это избіеніе младенцевъ..“

„Общество относилось къ гимназіи не всегда дружелюбно и не съ достаточнымъ уваженіемъ... Доблестями моральными педагогическій персоналъ едва ли отличался... Доносы продолжались именныя и безымянные, хотя на нихъ перестали обращать вниманіе. Были также доносы, въ которыхъ педагогическій совѣтъ обвинялся въ неблагонадежности, между прочимъ, и потому, что въ засѣданіяхъ совѣта курятъ, не обращая вниманія, что въ учительской комнатѣ виситъ икона и портретъ Государя. На этотъ доносъ послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что патріотизмъ—прекрасное чувство, но прикрывать имъ свои личныя искательства преступно..“

Эти цитаты можно было бы умножить вдвое и втрое.

Самыя выдающіяся фигуры нашей гимназіи въ то время были директоръ Рейтлингеръ и инспекторъ Дьяконовъ. Рейтлингеръ, Эдмундъ Рудольфовичъ, директоръ-громовержецъ, нѣмецъ изъ истинно-русскихъ, „строго-консервативныхъ взглядовъ“, по сло-

левскій:—и выразилъ неудовольствіе по поводу совершенныхъ мелочей, даже непредусмотрѣнныхъ уставомъ. На другое утро Дьяконовъ явился въ гимназію и сказалъ: «Я служу, какъ требуетъ законъ. Иначе служить не могу». И подалъ прошеніе объ отставкѣ».

Къ этой характеристикѣ послѣ Чеховскаго разсказа, кажется, нечего прибавлять. Нелицеприятная жизнь, однако, нашла новую и неожиданную черту.

Дьяконовъ умеръ холостымъ и послѣ смерти своей оставилъ два дома подъ училища, а 75 тысячъ рублей въ пользу бѣднѣйшихъ учителей (городскихъ и народныхъ), на выдачу пособій и стипендій. Благодарные учителя поставили ему памятникъ. Теперь покойнаго Дьяконова въ Таганрогѣ иначе не называютъ, какъ „свѣтлая личность“.

Не знаю, имѣлъ ли Антонъ Павловичъ Чеховъ случай узнать этотъ неожиданный эпилогъ своего прекраснаго разсказа. Я думаю, онъ бы доставилъ ему рѣдкое удовольствіе убѣдиться наглядно, что жизнь лучше беллетристики, даже талантливой.

Несмотря на эту позднѣйшую поправку, таганрогская гимназія, въ сущности, представляла арестантскія роты особаго рода. То былъ исправительный батальонъ, только съ замѣною палокъ и розогъ греческими и латинскими экстемпоралиями, „не храмъ науки, а управа благочинія“,—по выраженію Чехова,—„съ кислымъ запахомъ, какъ въ полицейской будкѣ“. Люди чуть повыше этого арестантскаго уровня отсѣбались безпощадно, вытѣснялись, какъ масло изъ воды.

По словамъ Филевскаго, учитель Бѣлавинъ былъ переведенъ за либерализмъ, также и Караманъ, молодой, энергичный, ушелъ, не поладивъ съ директоромъ.

Я помню молодого учителя исторіи, Логинова. Онъ пробовалъ читать исторію несогласно съ учебникомъ Иловайскаго и сперва заинтересовалъ всѣ классы, но скоро наткнулся на директора и программу. Послѣ того онъ впалъ въ уныніе и зацѣлъ.

По словамъ Филевскаго, онъ возненавидѣлъ гимназію и говорилъ, что съ отвращеніемъ открываетъ дверь въ нее. Въ концѣ концовъ, онъ былъ разбитъ параличомъ и умеръ въ больницѣ.

В. Д. Старовъ, учитель латинскаго языка, былъ человѣкъ доброй души и обращался съ учениками по-человѣчески. Помню, въ одномъ классѣ проворный ученикъ затѣялъ финансовую операцію процентнаго характера. Владимиръ Дмитричъ узналъ объ этомъ и на другой день сдѣлалъ классу внушеніе, очень мягко и не называя именъ. Слова его, однако, произвели такое впечатлѣніе, что процентная операція немедленно прекратилась, и юный финансистъ подвергся бойкоту товарищей.

В. Д. Старовъ было очень несчастливъ въ частной и въ служебной жизни и умеръ въ больницѣ.

Вотъ, кажется, всѣ. Можно, пожалуй, вспомнить добрымъ словомъ

сторожа Ивана, по прозвищу Труба, который, случалось, давалъ приготовишкамъ „натуральные“ щелчки въ голову, но заточеннымъ въ карцеръ часто подавалъ куски чернаго хлѣба изъ собственного пайка, и во время экзаменовъ ревностно помогаль всѣмъ классамъ обманывать бдительность начальства.

Такова была таганрогская гимназія и ея учителя нашего учебнаго періода въ десятилѣтіе 1870—1880 г.г.

Когда я свернулъ въ Гимназическую улицу и увидѣлъ знакомое зданіе, грязно-бѣлаго цвѣта, расплывшееся вширь, и старая, облупленная буквы вверху фронтона: *Гимназія*,—сердце мое, признаюсь, забилось сильнѣе. Вотъ здѣсь, бывало, у крыльца мы пили горячій сбитень, по двѣ копейки за стаканъ, здѣсь продавались копеечныя сосиски, а здѣсь *марафеты*, ужасные южные конфекты, трубочкой, въ красныхъ и синихъ полоскахъ, вродѣ свернутаго флага. Теперь стали устраивать для гимназистовъ горячіе завтраки. Въ наше время пять копеекъ на завтракъ—было цѣлое богатство, доступное немногимъ; мы питались больше экстемпоралиями и закусывали мѣломъ...

Я отыскалъ въ гимназій старыхъ знакомыхъ. Во-первыхъ, Павелъ Ивановичъ Вуковъ, классный надзиратель, живая лѣтопись гимназій.

Я помню его красивымъ кудрявымъ шатеномъ. Мы сложили про него непочтительные стихи:

Павелъ Ивановичъ Вуко
Ѣдетъ верхомъ на быкъ,
Подъѣзжаетъ къ кабаку,
Покупаетъ табаку.

Но Павелъ Иванычъ не обижался. Теперь уже ему за шестьдесятъ, и онъ выглядитъ старше прежняго.

Съ первыхъ словъ онъ сталъ напоминать мнѣ разныя подробности моей прежней жизни, которыя изъ моей собственной памяти давно изгладились.

— Помните ваше сочиненіе шестого класса: „Роскошь и Комфортъ“? И еще, какъ васъ посадили въ карцеръ, по жалобѣ Островскаго, на каникулахъ, въ восьмомъ классѣ?..

Пришелъ латинистъ Борзаковскій, который пріѣхалъ въ таганрогскую гимназію за два года до нашего выпуска. Я узналъ его съ перваго взгляда. Онъ мало измѣнился, только волосы стали бѣлѣе.

Мы познакомились и съ другими.

— Вотъ нашъ застѣнокъ, — съ мягкой улыбкой сказалъ почтенный наставникъ, открывая дверь кабинета.— Войдите, пожалуйста. Здѣсь мы, случается, пытаемъ нашихъ воспитанниковъ.

Уже пройдя по корридору, я увидѣлъ первое измѣненіе. Дверной стеклянный глазокъ, тотъ, о которомъ такъ много писалъ Короленко, исчезъ изъ обихода. Въ моей памяти онъ тѣсно ассоціировался съ тюремнымъ „глазкомъ“, и сталъ вдвойнѣ ненавистенъ.

Въ иныхъ дверяхъ еще сохранилось круглое отверстіе, но оно было задѣлано плотной дощечкой и стыдливо покрашено краской.

Понемногу мы разговорились.

— Есть ли у васъ чехи? — спросилъ я почти съ первыхъ словъ. Ибо въ наше время былъ въ Таганрогѣ знаменитый чехъ Урбанъ, грозный классикъ, язва гимназій.

— Мы вамъ покажемъ чешскаго сокола, — сказалъ наставникъ съ нѣкоторой гордостью. — Учитель гимнастики изъ Праги. Ученики увлекаются.

Въ большой залѣ одинъ изъ младшихъ классовъ, построенный въ шеренгу, подъ руководствомъ молодого, проворнаго чеха маршировалъ и размахивалъ флагами. Я не замѣтилъ, впрочемъ особаго увлеченія. Все-таки это было лучше латыни Урбана.

Я отложилъ напоследокъ рассказъ о чехѣ Урбанѣ. И. О. Урбанъ былъ одинъ изъ тѣхъ твердокаменныхъ чеховъ, которыхъ министръ Д. А. Толстой вызвалъ изъ Австріи задать намъ двойную порцію латыни.

Всевѣдущій Филевскій рассказываетъ о немъ такъ:

„У него были столкновенія съ учащимися и учителями въ Кіевѣ, Новороссійскѣ и Симферополѣ. Назначая Урбана въ Таганрогъ, попечитель П. А. Лавровскій сказалъ: «Я васъ перевожу въ Таганрогъ. Если вы и тамъ не уживетесь, то мѣста для васъ въ округѣ не будетъ»“.

Изъ Таганрога Урбанъ писалъ жалобы и доносы въ округъ и министерство. Это именно ему попечитель Воронцовъ прислалъ вышеупомянутый отвѣтъ о томъ, что прикрывать личныя искательства патриотизмомъ преступно.

„Онъ поставилъ какъ бы обязанностью отыскивать молодыхъ людей, политически неблагонадежныхъ, — говоритъ Филевскій: — и такъ какъ онъ обладалъ даромъ понимать ученика, то почти всегда угадывалъ и преслѣдовалъ безпощадно“.

Кончилось все это взрывомъ квартиры Урбана, почти одинокимъ въ то глухое и смиренное время. Надо было сдѣлать многое, чтобы довести учениковъ до такой *ultima ratio principum*. Но Урбанъ былъ вродѣ Шедринскаго Гудушки, донималъ рѣчами, ужимками, подмигиваніями, хуже, чѣмъ уроками. Даже теперь, черезъ тридцать лѣтъ, иные изъ его учениковъ, вспоминая его приставанія, трясутся отъ злости...

— Какія теперь отношенія у васъ съ учениками? — спрашивалъ я довольно наивно, но почти произвольно.

— Теперь ничего. Жить можно.

— А списокъ запрещенныхъ книгъ есть по-прежнему?

— Ну, да, есть.

— Я помню, какъ намъ досталось за „Что дѣлать?“, — припомнилъ я.

Директоръ немного подумалъ и мудро замѣтилъ: — Романъ „Что дѣлать?“ — это безгрѣшная книга сравнительно съ тѣмъ,

кто пишутъ теперь.—Онъ назвалъ „Савина“ съ отвращеніемъ и лобой. Я былъ готовъ возразить ему, что „Савинъ“, въ сущности тоже книга не очень грѣшная, вопреки всѣмъ нападкамъ, но воздержался во-время.

— А Писарева мы утащили изъ фундаментальной библіотеки, — продолжалъ я припоминать.

— Отъ Писарева вѣетъ юношескимъ духомъ, — сказалъ директоръ. — Что изъ того, что онъ нападаетъ на Пушкина? Теперь Пушкинъ стоитъ незыблемо.

— А позже семи часовъ вечера нельзя выходить? — спросилъ я снова.

— Да, нельзя.

— А въ Публичную библіотеку запрещено ходить?

— Это для ихъ же пользы, — сказалъ наставникъ мягкимъ тономъ.

— Стало быть, учителя и ученики все-таки представляютъ два враждующихъ лагеря?..

Былъ часъ большой перемѣны. За дверью ревѣло, шумѣло и топотало юное стоногое чудовище, имя которому—дѣтская толпа.

— Теперь что, — послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ. — Вотъ въ 1905 году было дѣйствительно тяжело. Начальство отъ насъ отступилось, оставило насъ на произволь судьбы. Общество было противъ насъ. Ученики тоже. Еще въ старшихъ классахъ было ничего, а въ четвертомъ и пятомъ — бѣда. Не то что блюсти за порядкомъ, а только блюдешь, чтобы калоша не полетѣла въ голову.

Я помнилъ учениковъ на оборонительной позиціи. А тутъ была вмѣсто того „эпоха активного наступленія“.

— Хуже всѣхъ досталось Урбану, — продолжалъ тотъ же рассказчикъ. — Надо вамъ сказать, что лѣтъ за десять до того чго сынъ влюбился въ дочь простого жандарма, — была говорить, славная барышня, — и хотѣлъ на ней жениться, но отецъ не позволилъ неравнаго брака. Тогда юноша, видно со злости, взялъ и выкупался въ морѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Схватилъ тифъ и умеръ. Послѣ того Урбанъ очень опустился. Потомъ настала сумасшедшій 1905 годъ. Въ пятомъ классѣ ему бросали камни въ спину. Онъ подбиралъ эти камни и плакалъ и говорилъ, что возьметъ ихъ съ собою въ гробъ. Послѣ того онъ вышелъ въ отставку и скоро умеръ.

Такъ кончилъ свою карьеру чехъ Урбанъ.

— Дочь у него учится въ женской гимназіи, — продолжалъ рассказчикъ. — Понадобилась стипендія для нея. Куда тебѣ! Попечительный комитетъ всталъ на дыбы. „Не дадимъ!“ Все ученики Урбана. Насилу усовѣстилъ ихъ. Чѣмъ же дочь виновата за дѣла отца?..

Завидная память для добраго стараго учителя.

Антонъ Павловичъ Чеховъ прошелъ сквозь таганрогскую гимназію, никѣмъ не замѣченный.—„Былъ хорошій ученикъ, но

особенно не выдавался“, — сказано у Филевского. Впрочем, дальше слѣдуетъ: — „На окончательномъ экзаменѣ Стефановскій (учитель словесности) обратилъ вниманіе педагогическаго совѣта на необыкновенную литературную отдѣлку и смыслъ сочиненія ученика Антона Чехова“...

Не знаю, быть можетъ, это и правда. Я хорошо помню И. С. Стефановскаго. Онъ донималъ насъ не сочиненіями, а памятниками древней словесности:

— Слово Даниіла Заточника. Жилъ былъ Даниілъ Заточникъ и написалъ Слово Даниіла Заточника. На озерѣ Лачь...

Больше того никто не зналъ и, какъ справедливо сказано въ концѣ „Слова“: — Кому озеро Лачь, а намъ горькій плачь...

Одинъ таганрогскій студентъ рассказывалъ мнѣ не особенно давно, что во второмъ основномъ классѣ таганрогской гимназіи имѣется парта, за которой, по преданію, когда-то сидѣлъ Антонъ Чеховъ. Чеховская парта считается почетной и занимается по жребію. Къ сожалѣнію, кажется, это не истина, а только творимая легенда. Я спрашивалъ многихъ. Никто ничего не знаетъ о Чеховской партѣ, ни учителя, ни также ученики, что гораздо показательнѣе.

Черезъ два часа, когда я сходилъ со знакомаго крыльца, я уносилъ съ собою тяжелое и смутное чувство. Въ концѣ-концовъ, арестантскія роты остались арестантскими ротами, только смягчился режимъ, античные кандалы упали и замѣнились новѣйшими предохранительными связками, въ карцерѣ зажгли электричество.

Тѣ же запрещенія, аттестаціи, отмѣтки.

Успѣхи — 5.

Поведеніе — 5.

Прилежаніе — 5.

И вдругъ изъ *Вниманія*—двойка, хотя, кажется, при отличныхъ *Успѣхахъ* и такомъ же *Прилежаніи*, *Вниманіе* тоже должно быть, по меньшей мѣрѣ, на четверку. И изъ за такихъ схоластическихъ тонкостей потомъ возникаетъ „исторія“...

Видно, на старомъ, гниломъ основаніи нельзя построить новое, свѣтлое зданіе.

Послѣ казенной гимназіи мнѣ пришлось посѣтить школьныя заведенія болѣе новаго типа. Я не стану описывать ихъ подробно. Коммерческое училище помѣщалось по Греческой улицѣ въ старомъ домѣ Варваца. Домъ этотъ странной постройки. Должно быть, почтенный корсаръ старался приспособить его для цѣлей контрабанды. Повсюду были таинственные закоулки. Въ толстыхъ стѣнахъ были вдѣланы потайные чуланы и шкафы съ крѣпкими дверями. Большому училищу здѣсь было тѣсно, какъ въ старомъ сундукѣ. Мнѣ бросилась въ глаза вереница малышей, которая извивалась зигзагами среди узкой и низкой залы. Они стояли чинно и плотно, сжимая въ рукахъ сильно зачитанныя книжки. Это были абоненты школьной библіотек и, ожидав-

шіе открытія. Надзирателя не было. Маленькіе люди смотрѣли другъ другу въ спину и даже не толкались, не взирая на все искушеніе. Я вспомнилъ взрослую публику у входа въ трамвай или у желѣзнодорожнаго оконца. Эти малыши лучше умѣли хранить порядокъ. Съ лѣвой стороны была курилка — для учениковъ. Что, если бы покойный „человѣкъ въ футлярѣ“ увидѣлъ это учрежденіе? *Notivibile dictu!* Мы заглянули внутрь. Двое или трое полувзрослыхъ юношей степенно курили папиросы.

— А что, малышей не пускаете? — спросилъ мой спутникъ.

— Нѣтъ, не пускаемъ, — сказала одинъ изъ курильщикоу домогающимся басомъ:—вѣдь, мы обязались.

— Какъ прошелъ у васъ бурный годъ,—спросилъ я и здѣсь.

— Легко. Одинъ разъ ученики рѣшили бастовать. Я говорю имъ: „Зачѣмъ? Вѣдь, у васъ, собственно говоря, нѣтъ требованій“.— Нѣтъ,—говорятъ:—мы не можемъ, мы изъ солидарности съ другими“. И бастовали недѣлю. Потомъ пришли и сказали: „Теперь довольно. Можно ли намъ снова ходить на уроки?“

Городъ отвелъ, наконецъ, училищу другое мѣсто, и оно строить себѣ новое зданіе. Зданіе это будетъ кончено къ осени. Тамъ будетъ свѣтлѣе и просторнѣе.

Въ техническомъ училищѣ я посѣтилъ мастерскія.

Мальчики и юноши усердно строгали и кленли дерево, рѣзали напилкомъ желѣзо, вертѣли колесо токарнаго станка. Они были въ рабочей одеждѣ, руки у нихъ были черныя, въ маслѣ, а лица свѣтлѣе и умнѣе, чѣмъ у вчерашнихъ питомцевъ казенной словесности. Въ витринахъ были свалены школьныя издѣлія, обязательныя и необязательныя.

Я не успѣлъ посѣтить казенную женскую гимназію. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тамъ произошла обычная „исторія“, въ результатѣ которой одна изъ ученицъ лишила себя жизни. Послѣ того явилась новая начальница и, кажется, началось смягченіе режима.

Зато я забѣжалъ на нѣсколько минутъ въ частную гимназію Яповичъ. Было время большой перемѣны. Еще съ лѣстницы я услышалъ веселые дѣвичьи голоса и звуки музыки. Въ большемъ залѣ начальница сидѣла за роялемъ и играла русскую. Двѣ линіи дѣвушекъ другъ противъ друга вели хороводъ. Кругомъ у стѣнъ стояли толпою молодыя зрительницы и рукоплескали отъ души. Можно было рассмотреть на это неожиданное зрѣлище. Всѣ лица были такія оживленныя и фигуры граціозныя. И мнѣ показалось, будто здѣсь собраны самыя красивыя дѣвушки со всего города. Ибо ничто такъ не краситъ дѣтскія и юношескія лица, какъ свобода, простота и довѣріе. Эта картина была послѣдняя изъ моихъ школьныхъ наблюденій.

■ Вечеромъ въ знакомой семьѣ двое мальчишекъ заспорили. Одинъ былъ „техникъ“, другой—„коммерсантъ“. Оба они славили свое учебное гнѣздо и горячились и не хотѣли уступать.

— У насъ лучше!

— Нѣтъ, у насъ лучше!..

Это были первые ростки школьнаго патриотизма, почти не известные въ Россіи. Ибо, въ свое время, мы, случалось, спорили наоборотъ:

— У насъ хуже!

— Нѣтъ, у насъ хуже!..

— Какъ относятся прежніе казенные учителя къ этимъ новымъ училищамъ?—спросилъ я у знающихъ лицъ.

— Съ чувствомъ безсильной злобы. Они чувствуютъ, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Старѣются, шипятъ.

Въ городскомъ саду, на старой скамьѣ, я нашелъ послѣдній комментарий къ этому школьному прогрессу, врѣзанный глубоко ножемъ, примирительный и всеобъемлющій:

Гимназисты дураки,
Техники лягушки,
Коммерсанты арестанты,
Гимназистки душки.

Наша старая формула была проще:

Гимназисты дураки,
Гимназистки душки.

Въ послѣдній день моего пребыванія въ Таганрогѣ въ городскомъ театрѣ, по иниціативѣ Е. М. Гаршина, было устроено празднество въ память пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда. Театръ былъ полонъ. Докторъ А., популярный въ городѣ, говорилъ рѣчь о значеніи русской литературы:

„Единственный источникъ гражданскаго мужества, любви и свободы, воспитательница поколѣній...

— Къ ней сохраняется въ нашей душѣ любовное, почтительное чувство“.

Голосъ его срывался, сѣдая голова тряслась отъ волненія. Публика тихо слушала и даже не рукоплескала.

Пусть эта картина будетъ послѣдней чертой моихъ впечатлѣній на родинѣ русскаго писателя Антона Павловича Чехова.

Танъ.